

ПРОФЕССОР ШАГДАРЫН БИРА: «МЫ С ПЕРВОГО ДНЯ ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА»

Воспоминания об учителе Ю.Н. Рерихе

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения востоковеда, исследователя Центральной Азии Юрия Николаевича Рериха (1902-1960). Долгое время его имя было известно только узкому кругу ученых и специалистов, изучающих наследие семьи Рерихов. За последнее десятилетие положение изменилось. В Петербурге, Москве и Новосибирске появилось несколько сборников, которые не только познакомили общественность с фактами биографии, но и выявили образ незаурядного человека. В 1999 году издательский дом «Агни» в Самаре начал выпуск избранных сочинений и переводов Ю.Н. Рериха и годом позже издал на русском языке его «Тибетскую живопись». Наконец недавно увидел свет солидный труд «Синяя летопись» (2002), излагающий историю буддизма в Тибете.

На страницах нашего журнала редакция начинает серию публикаций, связанных с неизвестными сторонами жизни и творчества Ю.Н. Рериха. В ближайших номерах появятся уникальные материалы: его парижский дневник, юношеские письма к родителям, переводы Упанишад. В настоящем выпуске мы предоставляем слово одному из самых близких учеников Юрия Николаевича, академику Монгольской Академии наук, профессору Шагдарыну Бире. Нынешней весной журнал «Дельфис» опубликовал доклад монгольского ученого «Н.К. Рерих как великий монголист-художник», прочитанный им на научной конференции в подмосковном Звенигороде. Во время этой конференции удалось встретиться с Шагдарыном Бирой и записать его воспоминания об учителе Ю.Н. Рерихе, которыми «Вестник Ариаварты» открывает новую рубрику. Этот душевный рассказ воссоздает на редкость живой облик Юрия Николаевича.

Юрий Николаевич Рерих сыграл очень большую роль в моей жизни — и в творческой, и в личной. Но чтобы это стало понятно, расскажу коротко свою биографию.

Вырос я в довольно зажиточной и интеллигентной для того времени семье. Восьми лет поступил в Ганданский монастырь. Отец отдал меня дяде моей матери, чтобы я посвятил свою жизнь монашеству, религии. Дядя был очень образованным ламой, имел высшее ду-

ховное звание. Таким образом с 8 лет я начал заниматься тибетским языком. У нас тогда вообще не принято было обучать монгольскому языку и письменности, только тибетскому. Прозанимался я года два, потом наступил 1937 год, дядя был арестован, а я вернулся в свою семью, в 10 лет пошел в начальную школу и окончил ее. И хотя мой отец тоже был потом арестован, но я, видимо, так старательно учился, что меня выбрали и решили отправить для дальнейшего обучения

в Советский Союз, причем в один из самых престижных вузов, в Институт международных отношений при МИДе. Сами знаете, какое это было первоклассное учебное заведение. Я окончил историческое отделение МГИМО в 1951 году, ровно 50 лет тому назад. В институте получил хорошую подготовку, особенно в отношении иностранных языков. По возвращении домой начал преподавательскую деятельность, но очень хотел посвятить себя науке. Подал заявление нашему руководству о своем желании поступить в аспирантуру в Советском Союзе, и мне повезло — получил направление в Институт востоковедения АН СССР. Перед отъездом в Москву мне дали рекомендацию заниматься в аспирантуре проблемами культурной революции в Монголии. Но меня не очень интересовали эти проблемы. В душе я мечтал о чисто академической науке. У меня было сложившееся представление о том, каким должен быть настоящий ученый. Владимирцов, Бартольд, Жамцарано, Щербатской, Ольденбург и другие крупные востоковеды произвели на меня огромное впечатление. Поражало их фундаментальное знание восточных языков, методы работы с первоисточниками, их эрудиция. Я долго не подавал на утверждение тему моей диссертации по культурной революции в Монголии. Наконец решился сказать об этом своим руководителям. И в один прекрасный день заведующий аспирантурой Баранов — замечательный человек, он не заставлял спешить с выбором темы — вызвал меня и говорит: «Вы знаете, к нам приехал очень интересный профессор из Индии, причем он русский, эмигрант. Очень странный человек, но если он захочет взять вас в качестве аспиранта, считайте, что вам повезло. Только я не могу его просить, вы должны сами к нему идти». Баранов дал мне адрес Юрия Николаевича. Его квартира была на Ленинском проспекте, в доме 62. А я жил тоже на Ленинском

проспекте, в аспирантском общежитии Академии наук. Это было в октябре 1957 года.

Я решил пойти. Легко нашел, позвонил. Дверь открыл очень интеллигентный человек, совсем непохожий на тогдашних русских интеллигентов. Первое, что бросилось в глаза, — это костюм-тройка. Монгольские черты лица, узкие глаза... Он вежливо пригласил меня войти. Я представился, сказал, что приехал из Монголии, аспирант, ищу руководителя. «Зачем искать? — удивился он. — Искать не надо, тут много ученых». Я объяснил, что хочу изучать санскрит, тибетский и другие восточные языки, хочу работать в области историографии и источниковедения. Рассказал, что с детства был маленьким ламой. Юрий Николаевич очень заинтересовался, спросил: «Неужели? Сколько же вам было лет?» Я ответил, что мне было тогда 8–9 лет, что немножко знаю тибетский, могу читать, но переводить не умею. Он тут же согласился стать моим руководителем.

Я думал, что пришел на несколько минут, а мы беседовали больше двух часов. Юрий Николаевич расспрашивал меня о Монголии, его интересовало всё. Сказал: «Мы очень любим Монголию. Мой отец очень любил Монголию, и моя мама очень любила...» Я тогда еще не знал, что Юрий Николаевич был участником экспедиции в Монголию в 1927 году, провел в Урге* больше шести месяцев. Он рассказал мне, как они там жили, расспрашивал о своих старых знакомых. Юрий Николаевич знал и высоко ценил Цыбена Жамцарано, бурята-монгола, который в то время был ученым секретарем Ученого комитета Монголии.

Разговор у нас шел вперемежку на монгольском и русском языках. С первых же слов я был поражен его знанием монгольского — Юрий Николаевич очень хорошо владел им, совершенно свобод-

* С 1924 г. – Улан-Батор

Ю.Н.Рерих, Ш.Бира и монгольские ламы

но. Наконец он сказал: «Давайте считать, что я ваш руководитель. Как вас называть?» Юрий Николаевич тогда не очень разбирался в званиях, не имел представления, что такое аспирант. Я ответил — по-английски это называется *post-graduate*. «Мы будем заниматься. Приходите завтра или послезавтра, как вам удобно, приходите, будем заниматься», — повторил Юрий Николаевич.

Я был под очень сильным впечатлением от этого человека. Так же как в детстве от встречи со своим дядей, когда отец впервые привел меня к нему. У дяди была огромная юрта, наполненная сутрами, ксилографами, рукописями, книгами, разными танками, картинами, и такой полумрак... До сих пор помню эту необыкновенную юрту, с каким благоговением я воспринимал всё это. И

похожее впечатление было, когда я вошел в кабинет Юрия Николаевича. Довольно большая комната, полная книг, хорошо расставленных. Во время визита Хрущева в Индию Юрий Николаевич подал ему заявление о возвращении на родину, тот быстро принял решение и распорядился оплатить переезд — дорогу и багаж. «Я бесплатно всё перевез, я очень доволен», — говорил Юрий Николаевич. Меня поразило это огромное количество книг и, конечно, некоторые картины его отца из гималайской серии, которые я впервые увидел там. И особенно портрет его отца, Николая Константиновича Рериха...

Буквально со следующего дня начались наши индивидуальные и групповые занятия. Юрий Николаевич включил меня в маленькую группу тибетского

языка, которой он руководил. Официально нам было положено заниматься тибетским языком три раза в неделю по два часа. В группе было очень удобно заниматься, поскольку в ней было всего пятеро аспирантов, включая меня, и мы приходили к учителю на дом ровно в девять часов утра. Хотя это происходило в его собственном доме, он был всегда аккуратно, по-деловому одет и радостно и любезно встречал нас за своим большим письменным столом. В группе занимались Балдорджи Бадараев из Бурятии, впоследствии ставший одним из крупных тибетологов, он, к сожалению, скончался несколько лет тому назад, и трое русских — Яковлев, монголист, потом специализировался по Непалу, тоже уже скончался, Богословский, ставший известным тибетологом и работавший в Институте Дальнего Востока, и, наконец, Туркин, о нем я не знаю, он ушел из Института после смерти учителя.

Официально, как я уже говорил, нам было положено заниматься три раза в неделю по два часа, но Юрий Николаевич высказал пожелание встречаться со мной дополнительно. Дело в том, что он хотел практиковаться в современном монгольском языке вместе, как он выражался, с природным носителем этого языка. Монгольский язык у Юрия Николаевича был немного архаичным. Как-то он сказал: «Знаете, я давно у вас учился». Оказалось, во время пребывания экспедиции в Монголии, в Улан-Баторе, он нанимал молодого учителя, чтобы заниматься монгольским языком. Спрашивал, знаю ли я Сотова. Я не знал, но обещал найти, он должен был быть жив, поскольку был моложе Юрия Николаевича или ровесник, но не старше. Потом я, конечно, отыскал этого человека, они переписывались и даже встречались. Позже Сотов написал маленькое воспоминание, оно было опубликовано в монгольской газете.

Юрий Николаевич хотел усовершенствовать свой монгольский язык, освоить

современный монгольский. Расспрашивал меня о терминах монгольского и халхаского диалектов. Говорил, что его учителями были выходцы из Внутренней Монголии, чахары, диалектом они отличаются, поэтому он хотел выучить халхаский диалект. Действительно, у него был небольшой южномонгольский акцент.

Трудно было представить, что мне так повезет — я смогу приходить домой к Юрию Николаевичу чуть ли не в каждый рабочий день недели, а иногда и по выходным, чтобы получить дополнительную консультацию по чтению и анализу трудных тибетских исторических текстов и поделиться впечатлениями о прочитанных книгах по тибетологии и буддологии, которыми мой учитель щедро обеспечивал меня из своей библиотеки. Он имел такие ценные книги и научные журналы, каких не было даже в Ленинской библиотеке. Меня поражало его знание письменного монгольского языка. Ему даже легче было разъяснять мне тибетские буддийские трактаты на монгольском языке, и он толковал буддийские термины, приводя их санскритские, тибетские и монгольские эквиваленты в соответствующих письменах, аккуратно начерчивая их простым карандашом на отдельном листе бумаги, который использовал вместо доски. Он обладал феноменальной памятью и редко обращался к словарям.

Первой книгой, которую Юрий Николаевич дал мне изучать, была знаменитая тибетская хроника XV века «Дептер он-по». Это двухтомная книга, которую он перевел с тибетского языка на английский, издана в Индии.* Я слышал о ней — «Голубые анналы», или «Синяя летопись». «Вот, — сказал он, — английский перевод, русского пока нет. Я много лет работал над ним. У меня и оригинал есть, на тибетском. И я хотел бы вам

* The Blue Annals. Calcutta. Pt. 1 — 1949, XXI, 398 p.; pt. 2 — 1953, 399-1275 p. (The Royal Asiatic Society of Bengal. Monograph series. Vol.VII).

предложить заняться либо этой книгой, либо текстом кукунорского монгола Сумбо-хамбы. Это крупнейший лама монгольского происхождения, ученый XVIII века. Он написал историю буддизма Индии, Китая и Монголии». «Голубые анналы» я не просто прочитал, но долго штудировал, выучивая чуть ли не каждое выражение. Впоследствии она стала моей настольной книгой, а ее английский текст — эталоном для перевода.

Но в конце концов мы решили заниматься текстами Сумбо-хамбы. Юрий Николаевич сказал: «Вы будете дома сличать, читать и английский, и тибетский, а вместе мы будем заниматься текстом Сумбо-хамбы. Это довольно трудный текст. Но после чтения таких двух хроник вам легко будет разобраться...» Я ему признался, над чем хотел бы работать. Я слышал, что монгольские ламы записали на тибетском языке нашу историю, трактаты, — словом, всё-всё. Юрий Николаевич согласился: «Ну конечно, они всё записали. Для вас этот язык, как латынь для Европы в Средние века. Так что тибетский обязательно надо выучить, если вы хотите работать в области истории и культуры».

Исследования исторических хроник, написанных монгольскими ламами на тибетском языке, мы и выбрали в качестве темы для моей диссертации. Для того времени это было весьма неординарной инициативой и могло вызвать недоумение и даже неодобрение со стороны некоторых ученых. Но Юрий Николаевич был убежден в необходимости научной разработки этой темы, а я жаждал заниматься чем-то оригинальным и «чисто» научным. Должен сказать, при утверждении темы на секторе Монголии Института востоковедения некоторые члены действительно выразили свое сомнение в ее актуальности. Однако благодаря авторитету Юрия Николаевича — к тому времени он уже был в хороших отношениях со многими монголистами — тему утвердили.

Три года прошли очень плодотворно. Благодаря Юрию Николаевичу я впервые познакомился с западной литературой по Монголии и тибетологии, с трудами индийского тибетолога Чандра Даса, венгерского ученого Чома де Кё-реша, основоположника научной тибетологии, с трудами итальянских ученых — Туччи, Петеча, и других. Общение с Юрием Николаевичем стало для меня вторым университетом. Он и сам был очень доволен, что нашел монгола, который знает и русский прилично, и английский, и турецкий. Это было для него полной неожиданностью — то, что так изменилась Монголия. Мы с первого дня полюбили друг друга, он очень хорошо ко мне относился. И я всегда публично называю его моим Гуру.

Юрий Николаевич очень интересовался современной Монголией, расспрашивал об Улан-Баторе. Его отец, Николай Константинович, любил Монголию, хорошо знал ее историю и традиции и посвятил ей много своих картин. Юрий Николаевич вспоминал, что отец, оказавшись в Монголии в 1927 году во время своей знаменитой Центральноазиатской экспедиции, чувствовал необычайное творческое вдохновение. Он верил в будущее Монголии, породившей Чингисхана, которого учитель любил называть «Монгольским Прометеем». Юрий Николаевич рассказывал мне о татарском происхождении своей прабабушки и говорил: «Любовь к Монголии у меня в крови».

Юрий Николаевич очень хотел снова побывать в Монголии. Вскоре его мечта осуществилась. Наш Ученый комитет готовился созвать в 1959 году первый Международный конгресс монголоведов. В руководстве знали, что Рерих крупный ученый, и решили пригласить его для консультаций.

Уже в августе 1958 года Юрий Николаевич приехал в Улан-Батор. Я его сопровождал. Он пробыл в Монголии примерно 3–4 недели. Посещал научные

и религиозные центры, встречался с членами правительства, учеными и даже успел побывать в моей юрте, в которой я летом жил с семьей в местности Яргайт, к северу от Улан-Батора. Ему понравилось, как мы жили в юрте, он говорил, что будет приезжать в Монголию каждое лето на отдых, подышать чистым горным воздухом.

Со времени Центральноазиатской экспедиции прошло более 30 лет. Первое, что Юрий Николаевич спросил, приехав в Улан-Батор, — есть ли здесь картины его отца, Николая Константиновича Рериха. Уточнил, что должна быть одна очень интересная картина — «Владыка Шамбалы», или «Ригден Джапо». Именно тогда я из уст самого Юрия Николаевича услышал, что его отец, будучи в Улан-Баторе, написал большую картину и она была подарена правительству Монголии. Юрий Николаевич сказал: «Мы вручили эту картину премьер-министру Монголии Цырен Дорджи». Принимая картину из рук Николая Константиновича, Цырен Дорджи даже обещал построить музей, в центре которого она будет выставлена.

Я понятия не имел, что существует такая картина, впервые услышал об этом, но обещал Юрию Николаевичу, что постараюсь ее отыскать. Стал расспрашивать у людей, где эта картина находится. В музее она выставлена не была. Так мы и не нашли ее тогда. Но Юрий Николаевич сказал нам: «Имейте в виду, эта картина должна быть в Монголии». Картина Н.К. Рериха «Ригден Джапо» была обнаружена в запасниках музея в 1960-х годах.* С тех пор она выставлена в Национальном музее изобразительных искусств и числится в ряду бесценных памятников культуры.

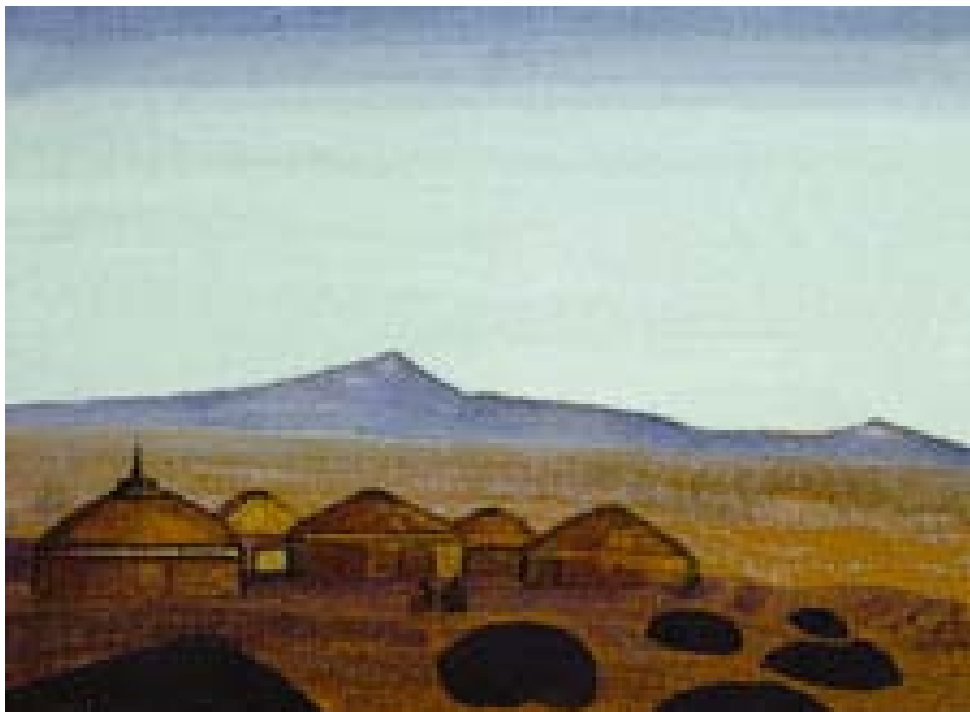
Рерихи во время своей экспедиции собирали легенды о Шамбале, мне рас-

сказывал об этом Юрий Николаевич. Тибетцы, говорил он, считали, что эра Шамбалы уже наступила, потому что происходят обещанные пророчествами многочисленные и очень разрушительные войны, революции, землетрясения и т.п. Буддисты приняли начало XX века как наступление эры Шамбалы. Это очень интересно, говорил Юрий Николаевич, это мечта людей, которую они вынашивали веками. В Монголии наступление эры Шамбалы связывали с приходом монгольской революции. Причем, по-моему, Рерихи действительно так и трактовали эту легенду. Николай Константинович, если говорить, например, о его картине «Владыка Шамбалы», на самом деле хотел показать возрождение Монголии и путь новой Монголии, и потому — такой оптимистический красный конь, и всадник, устремленный к будущему, и голубое-голубое, типично монгольское небо. Краски очень яркие. Степь тоже яркая-яркая и дышит свежестью и красотой, настоящая монгольская степь, а внизу — несколько юрт и человеческие фигуры, символическое заседание монгольского Хурала. Такое у него было представление о демократической власти Монголии. С одной стороны, это очень современно, а с другой — очень интересно: характерные черты русской живописи и буддийской танки, олицетворяющие сочетание Востока и Запада. Вот такая картина.

Мне кажется, если судить по картине, Рерихи верили в наступление новой эры для Монголии. Действительно, Монголия была очень отсталой, а в этот период монголы почувствовали некое возрождение. И, видимо, Николай Константинович хотел своей картиной воодушевить монголов, трактуя Шамбалу как знакомую им тему.

Юрий Николаевич говорил, что легенда о Шамбале пользуется огромнейшей популярностью не только в Монголии — во всех буддийских странах. Интересно, что люди по-разному воспри-

* См.: Ломакина И.И. «Великий Всадник» // Ю.Н. Рерих: материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994. С. 80-85.

Н.К.Рерих. Юрты. 1931

нимают эту легенду. Вот у вас, говорил Юрий Николаевич, произошла революция, и все революционеры и все монголы верили, что монгольская революция и новая власть — это наступление эры Шамбалы, Сатья-Юги. Была даже такая песня «Чанг-Шамбалын-дайн», или «Северной Шамбалы война». Потом я узнал, что у Николая Константиновича Рериха имелась запись этой песни: «Умрем в этой войне, чтобы родиться вновь воинами Владыки Шамбалы...» Ее пели партизаны Сухэ-Батора. И я немножко припомнил текст — в моем детстве все пели эту песню, она была очень распространенной. Так вот, Юрия Николаевича поражала необычайная популярность легенды о Шамбале во всех странах Азии — в Сиккиме, Непале, Бутане, Тибете, в Монголии и других буддийских

странах. Видно было, что он тщательно проштудировал этот материал, читал множество вариантов легенды и сочинения тибетских лам о Шамбале. Но он говорил, что сведения очень разноречивы и трудно определить, где находится эта страна. Я помню, что у Сумбо-хамбы, по тексту которого мы изучали тибетский язык, мы читали небольшое интересное сочинение о Шамбале. Сумбо-хамба был очень сведущим ламой. Он записал легенду о Шамбале и попытался установить место, где она находится. Все тибетцы считали, что страна Шамбала где-то на Севере. Сумбо-хамба был родом из тангутского племени, перекочевавшего из Западной Монголии на Кукунор (Цинхай), Синее озеро. Между кукунорскими тангутами и русскими калмыками, которые жили на Волге, существовали

давние связи. Многие калмыцкие паломники по дороге в Лхасу останавливались на Кукуноре, их расспрашивали. Таким образом от русских калмыков Сумбохамба получал сведения о России, о Европе и так далее. Потом он написал: «Если существует Шамбала, то это европейская страна. Может быть, Германия...» Это одна из последних попыток просвещенных лам установить местонахождение Шамбалы.

Рерихи очень доброжелательно, с любовью относились к духовному монгольскому наследию. Они представляли Монголию как составную часть буддийского мира, буддийской культуры в целом. В этом плане монголы их очень интересовали. Монголия — одна из буддийских стран, которые в тот период, в 1920-е годы, были еще целы. В книге Юрия Николаевича «По тропам Средней Азии» (русский перевод вышел недавно, а я давно читал, в английском варианте)* есть описание монастырей, которые были в Урге. На него они произвели огромное впечатление. И когда Юрий Николаевич снова приехал в Монголию, конечно, ему было очень грустно, что мы уничтожили все эти монастыри. Он очень сильно на это реагировал. Как-то сказал мне: «Прекраснейший был монастырь Майтрейи!» Рерихов интересовало всё, что связано с Майтрейей. Это грядущий Будда. Николай Константинович создал много картин на эту тему. У нас был такой красивый монастырь, высокое юртообразное здание, в котором находилась большая статуя Майтрейи — высотой в 80 локтей, это больше 30 метров. Прекрасная огромнейшая статуя Майтрейи! И всё было разрушено. У Юрия Николаевича в книге описаны этот храм и статуя. Когда он узнал, что они уничтожены, не мог сдерживать гнева и сожаления по поводу утра-

ты таких культурных ценностей и не скрывал своих чувств.

С особым удовольствием Юрий Николаевич посетил Гандан, единственный монастырь, который уцелел и функционировал. Несколько раз приходил в этот монастырь, встречался с ламами, знакомился с монастырской библиотекой. Побывал также в Государственной библиотеке, в тибетском фонде, где хранится более миллиона экземпляров рукописей и ксилографов. Юрий Николаевич был очень доволен, что сохранились хотя эти коллекции. Только нужно привести их в порядок, составить каталоги, чтобы удобно было ими пользоваться. Он встречался с бывшими ламами, которых выпустили из тюрем, — были еще люди знающие. Юрий Николаевич говорил о необходимости использовать возможность развития тибетологии и монголоведения на основе этих коллекций, с привлечением бывших лам, профессоров. Почему бы их не пригласить в Ученый комитет или в университет, пусть они занимаются сами и обучают молодых людей. Юрий Николаевич мечтал создать тибетологическую школу в Улан-Баторе. После Монголии он посетил Улан-Удэ, где также поднимал этот вопрос. Ему хотелось создать центры в Улан-Баторе, Улан-Удэ и Ленинграде. Говорил: «Если вы хотите поднять монгольский престиж за рубежом, нужно выходить на международную арену, в научный мир, там сильные школы». И очень поддерживал созыв первого Международного конгресса монголоведов-филологов.

Мы ходили с ним на прием к заместителю министра по культуре, это был мой однокашник, лет на пять старше меня. Я легко добился у него аудиенции для Юрия Николаевича. Когда мы вошли, он поздоровался по-русски и спросил: «Как будем говорить, по-русски или по-французски?» Он хорошо знал французский. А Юрий Николаевич ему ответил: «Предпочтительнее по-монгольски», и перешел на монгольский язык.

* Roerich George. Trails to Inmost Asia. New Haven—London, 1931. Также: Рерих Ю.Н. По тропам Средней Азии. Хабаровск, 1982; Самара: Агни, 1994.

Через год, в августе 1959-го, Юрий Николаевич снова приехал в Монголию, на конгресс, и был очень рад, что его рекомендации учтены. В состав советской делегации входили еще профессор Гарма Санжеев, ученый-филолог Цыдендамбаев и заместитель директора Института востоковедения с такой интересной фамилией Дворянков. Здесь Юрий Николаевич встретился со своими зарубежными коллегами. Из Индии приехал профессор Рагху Вира. Они давно были знакомы. Встречался он также с учеными из Японии и Великобритании.

Юрий Николаевич подготовил доклад на тему «Монгольские заимствования в тибетском языке», причем написал его по-монгольски. Он говорил мне: «Я попробую написать по-монгольски, а вы потом поправите меня, если будет надо». Доклад Юрий Николаевич написал еще в Москве, а когда приехал в Улан-Батор (я его встречал), сразу дал мне текст, чтобы я прочел и поправил, если звучит несовременно. Но там по существу нечего было поправлять, в чем я его и уверил. Даже было очень интересно видеть такой высокий литературный стиль. Юрий Николаевич на этом конгрессе был одним из немногих зарубежных участников, кто зачитал свой доклад на монгольском языке. Выступление Юрия Николаевича произвело очень хорошее впечатление.

Еще один эпизод. На конгрессе выступил американец Роберт Рупен, он еще жив, я недавно с ним встречался. Рупен был известен как ярый антикоммунист. Каким образом он получил приглашение, не знаю, но ему удалось приехать на конгресс. Он сделал доклад, посвященный Цыбену Жамцарано, который был репрессирован. Жамцарано крупный ученый, первый ученый секретарь Учкома, много лет работал в Монголии и очень помогал созданию у нас научных учреждений. Рупен сделал о нем доклад и потом, конечно, рассказал, как он был репрессирован, без всякого

политизирования, но то, что он знал об этом. Наши и особенно советские ученые удивлялись, как это мы допустили такой доклад. И кто-то выступил с возражением против его высказывания о том, что мы репрессировали почти всех интеллигентов Монголии. Юрий Николаевич был очень этим опечален, говорил, что зря он так, это уже слишком... Зачем нам лезть в такую политическую дискуссию, это испортило дух конгресса. Он был очень удручен этим инцидентом.

Юрий Николаевич говорил мне, что хотел бы приезжать в Монголию каждый год. Он и в 1960 году собирался приехать. Просил меня найти хорошего коня, очень скучал без верховой езды. Говорил, что не может ездить на монгольских седлах, это очень трудно, а на казацком удобно. Около Улан-Батора мы не могли найти хорошего коня. Я договорился с одним кочевником, он обещал к лету обязательно найти коня с хорошим казацким седлом. Но так получилось, что Юрий Николаевич не успел приехать. Он скончался 21 мая, буквально за месяц до моей защиты. В среду они с Черемисовым (был такой старый ученый, Юрий Николаевич дружил с ним) вдвоем принимали у меня последний экзамен — по тибетскому языку, а в субботу Юрий Николаевич скончался. Это было такой неожиданностью для меня, такой тяжелой вестью... Потом, в июне, я защитил диссертацию и вернулся в Монголию.

Москва, 3 июня 2001